

Мин Янь шла, словно живой труп.

В глазах темнело, а хрупкую кожу на шее всё ещё сжимали зубы этого негодяя, и боль лишила её сил даже на то, чтобы злиться.

Стоило ли оно того — собственноручно вырвать половину своей души, вложить её в него, чтобы подавить злые помыслы, укрепить его сущность и залечить внутренние раны?

Мин Янь невольно подумала: она такая добрая, почему же этот мерзавец настолько отвратителен?

К тому же, из-за разделенной души их чувства боли стали общими. Те странные приступы боли, что мучили её раньше, очевидно, исходили от Фэн Юйсы.

Стоило Фэн Юйсы только подумать об убийстве, как руны на его теле начинали действовать, передавая часть агонии ей.

Как это называется? Вырыть яму другому и самому в неё угодить?

Мин Янь, обессиленная, чуть повернула голову:

— Ты... отпусти.

Фэн Юйсы выглядел так, будто его только что вытащили из лужи крови. Губы его побледнели, подбородок упирался в плечо Мин Янь, а холодный пот стекал с кончика носа.

Он приподнял веки и, казалось, действительно послушался — разжал челюсти на её затылке.

На губах осталась кровь Мин Янь, скрыв их мертвенную синеву, отчего его лицо стало выглядеть чуть лучше.

Мин Янь осталась довольна. Преодолевая внутреннюю боль, она продолжила путь.

Моросил мелкий дождь, намочив её ресницы. Мин Янь прищурилась, пытаясь призвать духовную энергию.

Она попробовала несколько раз, но каналы, будто сведенные судорогой, оставались наглухо закупоренными — ни капли энергии не поддавалось.

Она мысленно выругалась.

Фэн Юйсы безвольно опирался на её плечо, часто и мелко дыша. Он знал: пока он не питает к Мин Янь желания убить, руны остаются спокойными, а боль постепенно утихает.

Только мягкость, полное отсутствие угрозы и доброта позволяли ему по-настоящему приблизиться к ней.

Воистину коварно и подло.

На кончике его носа ещё оставался холодный пот. Он пошевелился, устраиваясь удобнее. Тело девушки было теплым и крепким; прижавшись к её плечу, он слышал, как бьется её сердце: тук-тук, тук-тук.

Фэн Юйсы не хотел признавать, что, даже ненавидя её до смерти, он всё равно не мог отказаться от малейшего проявления заботы со стороны Мин Янь.

Юноша опустил взгляд, безмолвно созерцая её белую кожу, на которой отчетливо алел след от укуса.

Капли крови продолжали проступать, выделяясь на снежно-белом фоне, словно крошечные яркие цветы бегонии.

Фэн Юйсы склонил голову и коснулся губами ранки, слизывая языком капли крови, тщательно выцеловывая их.

Словно какое-то насекомое ползало по коже — рана на шее Мин Янь зазудела, а следом по ней прошла волна острой боли.

Она нахмурилась:

— Не балуйся.

Фэн Юйсы усмехнулся. Несмотря на то что всё тело пронзала боль, он намеренно пошел наперекор её словам: вместо того чтобы ласково целовать, он вонзил острые зубы в кожу, заставляя рану, которая уже начала затягиваться, снова кровоточить.

Не дожидаясь реакции Мин Янь, он тихо рассмеялся, и в уголках его глаз вспыхнул возбужденный румянец.

— Твоя кровь такая сладкая, — прошептал он с безумным оттенком в голосе.

Мин Янь вздрогнула.

По его милости её нижняя губа была разбита, шея покрыта синяками, а затылок искусан — хотя это были всего лишь мелкие раны, она уже очень давно не чувствовала себя настолько жалко.

Если подсчитать, то после череды перерождений с сохранением памяти, в каждой жизни она была безупречной ученицей праведной секты: в смутные времена спускалась с гор с мечом наперевес, чтобы вершить справедливость, а в мирные — оставалась в обители, погружаясь в медитации. Лишь в этой жизни боль от расколотой души пришла слишком рано и была слишком яростной; Мин Янь даже не успела достичь стадии Юаньин, как окончательно потеряла способность совершенствоваться.

Она целыми днями лежала в своем дворике, словно вяленая рыба, изредка выбираясь наружу, чтобы выпросить у своего богатого наставника сладости, а в остальное время — никаких забот.

В секте Ваньцзянь к ней относились с огромным терпением, никто не приходил насмехаться или вызывать на бой, поэтому последние годы Мин Янь жила припеваючи.

Такое, как сегодня — мокнуть под дождем и быть покусанной — случилось впервые за долгие годы.

Она невольно загрустила.

Затворы памяти открылись, и прошлое хлынуло потоком, словно прорвавшаяся плотина. Забытые события, скрытые за туманом, начали постепенно проявляться.

Когда-то Зеркало Судьбы предсказало, что в бездне демонического мира вот-вот родится жестокое чудовище, жаждущее крови. Как только оно выберется наружу, мир превратится в кровавый ад, где повсюду будут валяться оторванные конечности.

Тогда Мин Янь устроила засаду у входа в бездну и, как только почувствовала ауру монстра, ворвалась внутрь и схватила его.

К её удивлению, предсказанное чудовище, способное уничтожить небо и землю, оказалось черным пушистым комочком размером с кошку, который яростно скалился и рычал на неё.

У Мин Янь что-то перемякнуло в голове, и, решив, что это существо довольно милое, она оставила его при себе как питомца.

Малыш, которого она подкармливала, постепенно привязался к ней, часто запрыгивал на плечо и терся мягкой шерсткой о её шею.

Теперь, оглядываясь назад, она могла сказать лишь одно — это было её величайшей ошибкой.

Когда он принял человеческий облик, то оказался даже выше Мин Янь на голову, излучая подавляющую мощь.

Мин Янь тогда невзначай дала ему имя... кажется, Фэн Юйсы.

В то же время она получила приказ от своего непосредственного начальства убить его.

Мин Янь начала планировать, как покончить с ним. Малыш был до нелепости прост: стоило Мин Янь немного приласкать его, как он тут же прижимался к ней и ласково терся о её ладонь.

Мин Янь перерезала ему горло.

Но Фэн Юйсы, казалось, был бессмертным. Она собственными глазами видела, как в луже крови к нему постепенно возвращалось сердцебиение, а его прекрасные черные глаза смотрели на неё с печалью и недоумением.

Мин Янь наплела ему всякой чепухи, и он снова легко ей поверил.

Однажды глубокой ночью, под звездным небом, Мин Янь снова стояла с окровавленными руками, чувствуя легкость на душе.

Фэн Юйсы, бледный, в момент, когда жизнь покидала его тело, протянул руки и бережно обхватил лицо Мин Янь. Он склонился и окровавленными, теплыми губами осторожно поцеловал её в переносицу.

Этот поцелуй был слишком горьким, Мин Янь хорошо его запомнила.

Она не почувствовала ни волнения, ни радости, лишь предположила, что у Фэн Юйсы, возможно, эдипов комплекс — иначе почему бы ему любить злую женщину, которая хочет его убить?

Тогда она была рассеянна и лишь думала о том, как бы найти способ убить его окончательно.

...

Мин Янь считала себя довольно крутой: в одиночку сосредоточить всю жажду убийства предсказанного разрушителя мира на самой себе.

Кто еще в Поднебесной на такое способен?

Пока она сдерживает его от хаоса в мире людей, можно считать, что цель достигнута.

Фэн Юйсы, конечно, жалок, но что с того? Зеркало Судьбы никогда не ошибалось.

Мин Янь вышла из сухого леса и огляделась — вокруг ни души.

Её душа остывала, тело коченело от боли.

— Опустим меня. — Монстр за её спиной, видимо, насытившись её ранами, заскучал. Его лицо снова помрачнело, а в голосе зазвучали холодные, зловещие нотки.

Боль в теле Мин Янь еще не утихла, и она прекрасно понимала, что он лишь притворяется, пытаясь сохранить остатки гордости. Но, чтобы пощадить его хрупкое самолюбие, она продолжала усердно играть роль доброй, наивной и ничего не подозревающей простушки:

— Друг, твое тело сейчас слишком слабо, ты точно не сможешь идти сам. Давай я сначала найду место, где можно укрыться от дождя.

Фэн Юйсы смотрел на её белый профиль, вдыхая тонкий аромат, присущий только ей, — такой же, как и прежде.

— Ты правда меня не помнишь? — он нахмурился, явно не веря.

Мин Янь развернула духовное восприятие и, обнаружив в нескольких лилях заброшенную хижину, где можно было спрятаться от дождя, ответила:

— О чем ты? Мы видимся впервые, как я могу тебя знать?

Фэн Юйсы равнодушно дернул уголком губ и спросил:

— Сколько тебе сейчас лет?

Мин Янь поняла его намек и тут же выдала полную самопрезентацию:

— Меня зовут Мин Янь, мне девятнадцать лет, я ученица секты Ваньцзянь, первой среди сект праведного пути. Мой наставник — святой меча Ци Фэй. Ты, должно быть, принял меня за кого-то другого, поэтому и схватил за горло. Ничего страшного, я не сержусь.

Фэн Юйсы, чувствуя, как внутри него разрываются плоть и кровь, больше не ответил.

Мин Янь не стала навязываться, и остаток пути они проделали в молчании.

Её голова кружилась, лицо оставалось бледным, а боль в душе, переплетенная с разрывающей болью, передающейся от Фэн Юйсы, лишала её сил.

Преодолевая недомогание, она уложила Фэн Юйсы на доски в заброшенной хижине, перевела дыхание и, прислонившись к столбу кровати, сползла на пол.

Мин Янь опустила голову и кончиками пальцев стерла кровь с нижней губы.

Смешно даже. Каким бы жалким ни был Фэн Юйсы, какое ей до него дело?

Когда-то она была сильна, могла общаться с небом и землей, сливаться с природой, и её душа была бесценна. Для обычного совершенствующегося она могла стать средством восстановления духовного тела, укрепления сознания и даже ключом к силе законов мироздания.

Монстр — это просто монстр. Убить его — значит избавить мир от угрозы, никто бы и слова не сказал против.

Если бы тогда она была хоть немного жестче, то не оказалась бы заперта в бесконечном цикле перерождений, обреченная на мучительные смерти, так и не дожив ни разу до двадцати пяти лет.

Тень накрыла её, Мин Янь вздрогнула, и в следующее мгновение Фэн Юйсы подхватил её под поясницу и под коленями, уложив на кровать, застеленную его верхней одеждой.

Он был высок, от него веяло холодом. Когда он приблизился, Мин Янь почувствовала исходящий от него холодный аромат, смешанный с запахом крови и цветов.

Его одежда всё еще была тем самым артефактом, который она когда-то для него создала. Видимо, за столько лет ткань изнашивалась и перестала быть неуязвимой для воды и огня, но всё еще могла быстро высыхать.

На дощатой кровати лежал толстый слой пыли, но благодаря его одежде Мин Янь не испачкалась.

Она поблагодарила его и, почувствовав облегчение, решила не сопротивляться — голова была тяжелой, и она просто закрыла глаза, проваливаясь в сон.

Мужчина в черном застыл в нависшей над ней позе, положив ладонь на тонкую шею Мин Янь. Там, под теплой и мягкой кожей, едва ощутимо бился пульс.

Он осторожно потер пальцами эту хрупкую кожу, в глубине его глаз закрутилась черная

бездна, но в конце концов он с сожалением убрал руку.

Из-за этих проклятых рун он даже не мог позволить себе по-настоящему захотеть её убить, не рискуя при этом упасть без чувств от боли.

Мужчина, окутанный одиночеством и холодом, вытер кровь с уголка губ. Его бледные ледяные пальцы коснулись брови Мин Янь, медленно скользнули к кончику носа, губам и, наконец, остановились на ранке на её нижней губе, нежно погладив её.

Она не изменилась. Всё такая же, как в его воспоминаниях, словно холодный родник. Стоило ей поднять взгляд, как его сердце невольно дрожало.

Прошло больше тысячи лет.

В бесчисленные дни, полные лишь бесконечной тьмы и одиночества, Мин Янь была его единственным стимулом продолжать существовать.

Может, это была предельная, доведенная до безумия любовь, а может — жгучая ненависть к этой хладнокровной женщине, желание уничтожить её.

В любом случае — это была она.

Но теперь она не только не любит его, но и неумело притворяется, что потеряла память, на каждом шагу твердя, что не знает его.

Как ты можешь не знать меня? Какое ты имеешь право забывать?

Всю боль, что я перенес, ты тоже должна испытать сполна.

<http://bllate.org/book/21328/2163362>